

Эдвард Бульвер-Литтон

Грядущая раса

Эдвард Бульвер-Литтон

Грядущая раса

«Public Domain»

1871

Бульвер-Литтон Э. Д.

Грядущая раса / Э. Д. Бульвер-Литтон — «Public Domain», 1871

«Фантастический роман Бульвера Грядущая раса (The Coming race) вышел в 1872 г. за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Английская критика, не подозревая, что за этим именем скрывался знаменитый, старый писатель, приветствовала появление нового литературного светила. Хотя книжка эта, вслед за своим появлением, была напечатана в переводе в одном из наших периодических изданий переводных романов, но, за исключением известного круга любителей такого рода чтения вряд ли она знакома большинству читающей публики. Грядущая раса написана чрезвычайно талантливо, изящным языком, с тонкой иронией над недостатками нашего общественного устройства и затрагивает те жгучие и вечно новые вопросы, которые составляют подкладку всех разнообразных учений – о достижении всеобщего счастья на земле. Говоря словами самого Бульвера, взятыми из этой же книжки, „читающий старую книгу всегда найдет в ней что-нибудь новое, а читающий новую – что-нибудь старое“...»

© Бульвер-Литтон Э. Д., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

От переводчика	5
I	6
II	8
III	10
IV	11
V	12
VI	17
VII	18
VIII	22
IX	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдвард Бульвер-Литтон

Грядущая раса

От переводчика

Фантастический роман Бульвера Грядущая раса (The Coming race) вышел в 1872 г. за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Английская критика, не подозревая, что за этим именем скрывался знаменитый, старый писатель, приветствовала появление нового литературного светила.

Хотя книжка эта, вслед за своим появлением, была напечатана в переводе в одном из наших периодических изданий переводных романов, но, за исключением известного круга любителей такого рода чтения вряд ли она знакома большинству читающей публики.

Грядущая раса написана чрезвычайно талантливо, изящным языком, с тонкой иронией над недостатками нашего общественного устройства и затрагивает те жгучие и вечно новые вопросы, которые составляют подкладку всех разнообразных учений – о достижении всеобщего счастья на земле.

Говоря словами самого Бульвера, взятыми из этой же книжки, «читающий старую книгу всегда найдет в ней что-нибудь новое, а читающий новую – что-нибудь старое».

Переводчик, по возможности, строго держался подлинника и позволил себе сократить только главу XII-ю, трактующую о языке будущих людей.

I

Я уроженец города... в Соединенных Штатах Америки. Предки мои переселились сюда из Англии еще в царствование Карла II; дед мой не без отличия участвовал в войне за освобождение. Поэтому наша семья, уже по своему происхождению, занимала довольно видное общественное положение; мои родные были к тому же людьми состоятельными, но почему-то считались непригодными для общественной службы в нашей свободной стране. Мой отец как-то пробовал попасть в конгресс, но потерпел жестокое поражение, и на выборах восторжествовал его портной. После этого он мало интересовался политикой, и большую часть времени проводил в своей библиотеке. Я был старшим из трех сыновей; шестнадцати лет меня послали в старую страну отчасти для окончания моего образования, а также, чтобы я приучился к коммерческому делу в конторе одной знакомой ливерпульской фирмы. Отец мой умер вскоре после того, как мне минул двадцать один год; и так как я был хорошо обеспечен и питал склонность к путешествиям и всяким приключениям, то, бросив на время погоню за всемогущим долларом, я совершенно отдался бесцельным странствованиям по всему свету.

В 18, проезжая местечко, я встретился с одним знакомым мне горным инженером, который предложил мне осмотреть рудник, находившийся в его заведывании.

Читатель, вероятно, догадается еще до окончания моего рассказа, почему я скрываю название той местности, где происходили описываемые мною события, и может быть поблагодарит меня за то, что я воздержался в своем рассказе от всяких указаний, которые послужили бы ключом к ее открытию.

Буду по возможности краток и скажу только, что я сопутствовал инженеру в глубины рудника; мрачные чудеса этого подземного мира до того очаровали меня и я так заинтересовался исследованиями моего приятеля, что продлил срок моего пребывания в этой местности, и каждый день в течение нескольких недель спускался в эти подземные галереи и пещеры, — частью пробитые руками человека, частью созданные самою природою. По мнению инженера, самые богатые залежи минеральной руды должны были обнаружиться в новой, начатой им шахте. Во время работ по ее углублению мы однажды дошли до глубокой трещины с изорванными и видимо обугленными краями, как будто разрыв породы произошел здесь под действием вулканической силы, в какой-нибудь отдаленный геологический период. В эту трещину инженер приказал рабочим опустить себя в «корзине», испробовав предварительно, посредством предохранительной лампы, состояние ее атмосферы. Почти целый час он оставался в пропасти. Когда его подняли, он был бледен как смерть, и на его лице было какое-то беспокойное, сосредоточенно-задумчивое выражение, которое не имело ничего общего с его обыкновенным бодрым, веселым взглядом.

Он сказал только, что спуск показался ему небезопасным, и не привел ни к каким результатам. После того он тотчас остановил работы по углублению шахты, и мы перешли к другим, более знакомым частям рудника.

Весь этот день инженер казался поглощенным одною какою-то мыслью. Он сделался молчаливым, и в его глазах было какое-то испуганное, растерянное выражение, точно у человека видевшего привидение. Вечером, когда мы сидели в нашей общей квартире близ шахты, я обратился с вопросом к моему приятелю:

— Скажите откровенно, что такое вы видели в пропасти? Я уверен — что-нибудь странное и ужасное. Вас, наверное, мучит какое-то сомнение. В таком случае два ума лучше одного. Поверьте мне вашу тайну.

Инженер долго пытался уклониться от прямого ответа на мой вопрос; но по мере того, как во время нашего разговора он машинально подливал себе в стакан из стоявшей на столе фляжки с ромом, — а обыкновенно это был человек крайне воздержный и непривыкший

к употреблению спирта, – его сдержанность постепенно исчезала. Тот, кто желает сохранить про себя свои мысли должен уподобиться бессловесным существам и пить одну воду. Наконец он обратился ко мне со следующими словами:

– Я расскажу вам все. Корзина моя остановилась на краю довольно глубокого обрыва, спускавшегося в наклонном положении; бывшая со мною лампа не могла осветить наполнявший его мрак. Но из глубины его, к моему величайшему удивлению, исходил луч ровного, яркого света. Неужто это был огонь вулкана? Но тогда я ощущал бы теплоту. Как бы там ни было, всякое сомнение на этот счет грозило неминуемою опасностью нашему руднику. Я тщательно осмотрел стороны обрыва и убедился, что могу рискнуть спуститься хотя бы на некоторую глубину по выдающимся с боков его неровностям и выступам. Я вылез из корзины и стал спускаться. По мере того как я приближался к замеченному мною свету, расщелина становилась все шире, и наконец я увидел, к своему невыразимому удивлению, в глубине пропасти долину, с широкою ровною дорогой, освещенной на всем ее протяжении, насколько мне было видно, правильно расставленными фонарями, как на улице большого города; до меня также смутно доносился шум точно человеческих голосов. Мне хорошо известно, что в этой местности не существует других рудников. Кому же принадлежали эти голоса? Что за люди провели эту дорогу и расставили по ней фонари?

Мне невольно стали приходить в голову суеверия рудокопов о гномах и подземных демонах. Под влиянием охватившего меня ужаса я еле решился спускаться далее навстречу этим таинственным подземным жителям. Да к тому же у меня не было и веревки, без помощи которой нельзя было достигнуть дна пропасти, так как стороны ее с этого места представляли совершенно гладкую вертикальную поверхность. С большим трудом я вскарабкался наверх. Теперь вы все знаете?

– Вы спуститесь опять!

– Я должен, но в то же время я колеблюсь.

– С верным товарищем путь наполовину короче, да и смелость удваивается, Я отправлюсь вместе с вами. Мы возьмем с собою надежные веревки достаточной длины – и... простите меня – вам не следует больше пить сегодня. Нужно, чтобы завтра у нас были твердые руки и ноги.

II

С наступлением утра расстроенные нервы моего приятеля успокоились, и любопытство его было настолько же возбуждено, как и мое. Пожалуй, еще более; потому что он верил в свой рассказ, а я ощущал изрядное сомнение: конечно не в том, чтобы он намеренно погрешил против истины; но мне казалось, что он был под влиянием одной из тех галлюцинаций, которым иногда подвергаются наши нервы и мозг в уединенных неведомых местах, причем мы видим несуществующие формы и слышим воображаемые звуки.

Мы выбрали шестерых опытных рудокопов, которые должны были следить за нашим спуском; так как в корзине мог поместиться только один человек, то инженер спустился первым, и как только он достиг того выступа, где останавливался в первый раз, корзину подняли за мною. Я скоро присоединился к нему. Мы взяли с собой связку крепких веревок.

Я был поражен не менее моего приятеля тем светом, который исходил из глубины наклонно идущей расщелины. Он напоминал мне ровно разлитый свет нашей атмосферы; он нисколько не походил на отблеск огня, но был мягкий, серебристый, подобно лучам полярной звезды. Мы вылезли из корзины и сравнительно легко спустились по уступам скалы до той небольшой площадки, где остановился в первый раз мой приятель, и где было как раз настолько места, что бы мы могли стоять рядом друг с другом. Отсюда расщелина шла вниз, быстро расширяясь, точно дымовой выход гигантской паровой трубы, и я отчетливо увидел долину, дорогу и фонари, ранее описанные моим товарищем. Он ничего не преувеличил в своем рассказе. Я слышал те же звуки – точно отдаленный смешанный шум человеческих голосов и людских шагов.

Напрягая мое зрение, я даже разглядел в дали очертания какого-то большого строения. Это не могла быть скала: для этого она была слишком правильной формы; виднелись громадные колонны, напоминающие египетские храмы; и все это освещалось каким-то внутренним светом. У меня была с собой подзорная труба, и при помощи ее я мог различить поблизости от строения две фигуры, похожие на людей, хотя я и не был вполне уверен в этом. Во всяком случае, это были живые существа, потому что они двигались и потом исчезли внутри строения. Мы тотчас начали укреплять, посредством железных скоб и крюков, с помощью захваченного с собою инструмента, конец веревки к тому маленькому выступу, на котором стояли.

Ни один звук не прерывал нашу работу. Мы работали молча, как люди, которым было страшно вымолвить слово. Укрепив один конец веревки к уступу скалы, мы привязали камень к другому концу и спустили его вниз, до земли, на глубину почти пятидесяти футов. Я был моложе и ловчее моего товарища; к тому же мальчиком мне приходилось служить на корабле; так что предстоящий нам способ передвижения был мне привычнее. Шепотом я потребовал, чтобы он предоставил мне спуститься первому, и я таким образом мог бы придержать для него нижний конец болтающейся веревки. Я благополучно добрался до земли, и теперь настал черед инженера. Но едва он спустился на десять футов от уступа, как наши крепления, которые казались такими надежными, сдали под его тяжестью вместе с частью самой скалы, и несчастный полетел вниз к моим ногам с обломками камня, одним из которых, – к счастью мелким, – ударило меня по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я увидел лежащую около меня безжизненную, обезображенную массу, представляющую все, что осталось от моего товарища. В то время как я склонился с невыразимым ужасом и горем над его трупом, я услышал поблизости от себя какой-то странный, шипящий звук; машинально повернувшись по направлению звука, я увидел высовывающуюся из темной трещины в скале громадную ужасную голову, с открытой пастью и неподвижными голодными глазами, какого-то чудовищного пресмыкающегося, вроде аллигатора или крокодила, но по величине далеко превосходившего все, что мне приходилось видеть во время моих путешествий. Я вскочил на ноги и бросился бежать

вниз по долине. Наконец мне сделалось стыдно моего бегства, я остановился и пошел назад к тому месту, где я оставил труп моего приятеля. Его уже не было; без сомнения чудовище успело втащить его в свою нору и пожрало. Веревка с привязанным на конце крюком лежала на том же месте куда упала, но я не мог ею воспользоваться: не было никакой возможности снова прикрепить ее к верхнему выступу скалы, и нечего было думать влезть наверх по этой гладкой каменной поверхности, которая высилась надо мною. Итак, я оставался теперь совершенно один в этом неведомом мире; в недрах земли.

III

Медленно и со страхом я шел по освещенной фонарями дороге, направляясь к описанному уже мною зданию. Сама дорога напоминала Альпийский проход, огибающий горную цепь; причем скала с расщелиною, через которую я спустился, представляла одно из ее звеньев. Далеко внизу по левую руку перед моими удивленными глазами открывалась обширная долина с несомненными признаками культуры. Виднелись поля, покрытые странной растительностью, подобной которой я никогда не видел на земле; она была не зеленая, но скорее тускло-свинцового или красно-золотого цвета.

Я видел озера и речки с возделанными берегами; в некоторых из них была чистая вода, другие блестели как поверхность нефти. По правую руку открывались горные проходы между скалами, очевидно созданные искусством и окаймленные группами деревьев, большею частью походивших на гигантские папоротники, с удивительно разнообразною перистою листвою и стволами как у пальм; другие походили на сахарный тростник, но гораздо выше и были покрыты массою цветов. Наконец некоторые из них имели вид громадных грибов с толстым коротким стволом, поддерживавшим куполообразную крышу, с которой поднимались вверх или опускались тонкие длинные ветви. Вся открывавшаяся предо мною местность во всех направлениях, насколько мог охватить глаз, сверкала бесчисленным множеством фонарей. В этом мире, лишенном солнца, было так же светло и тепло, как в Италии во время летнего полудня, но воздух был менее удушлив, и не чувствовалось жары. Открывавшаяся предо мною картина также не была лишена признаков жилья человеческого. Я видел вдали, по берегам озер и речек или на склонах гор, утопающие в растительности строения, которые, несомненно, были обитаемы человеком. Я даже мог различить, хотя очень далеко,двигающиеся посреди этого ландшафта фигуры, похожие на людей. В то время как я остановился в немом созерцании этой картины, я увидел с правой стороны нечто быстро пронесившееся в воздухе – точно маленькая лодка с парусами, похожими на крылья. Она скоро скрылась из вида и опустилась в чащу леса. Надо мною не было неба, но высился свод необъятной пещеры. Свод этот, казалось, подымался все выше и выше, и, с увеличением расстояния, наконец совершенно исчезал в туманах верхних слоев атмосферы.

Продолжая мою прогулку, я спугнул из куста, похожего на запутанную массу морских водорослей, перемешанных с листьями растения вроде папоротника, и другого, похожего на алоэ, какое-то животное, напоминавшее по размеру и виду оленя. Отпрыгнув на несколько шагов, существо это с видимым любопытством уставилось на меня, и тут я заметил, что оно нисколько не походило на существующие теперь на земле виды этого животного, но живо напомнило мне гипсовый слепок одной исчезнувшей разновидности оленя, который я видел где-то в музее, и который жил в прежние геологические периоды. Существо это казалось совершенно ручным и, посмотрев на меня, спокойно продолжало щипать траву с этого удивительного пастбища.

IV

Я теперь приблизился к самому строению. Да, это действительно была работа рук человеческих, хотя часть его была выдолблена в громадной скале. С первого взгляда оно напоминало ранние образцы египетской архитектуры. По фасаду его возвышался ряд громадных колонн, постепенно сужающихся от основания к верху, причем я заметил, приблизившись к постройке, что капители их были украшены более изящными орнаментами, чем в египетских постройках. Подобно тому, как капитель коринфского ордена является подражанием листьев *Acantus*'а, так орнаменты на капителях этих колонн подражали листьям окружающей растительности: некоторые из них походили на алоэ, другие – на папоротник. Наконец в дверях здания показалась фигура... человека? Она остановилась на дороге и, окинув взглядом окрестность, увидела меня и стала приближаться. Она подошла ко мне на расстояние нескольких шагов; при виде ее какой-то неведомый ужас и трепет охватили все мое существо, и я почувствовал себя прикованным к месту. Она напоминала мне те символические изображения гениев или демонов, которые мы видим на этрусских вазах, или в виде барельефов на древних памятниках Востока: по очертаниям они походят на человека, но в то же время принадлежат к другой расе. Фигура была самого высокого роста, достигаемого человеком; но ее нельзя было назвать гигантом.

Ее главное одеяние состояло, по-видимому, из двух больших крыльев, сложенных на груди и спускающихся до колен; остальную часть ее одежды составляла туника и покровы для ног, сделанные из какой-то тончайшей ткани. На голове ее был надет род тиары, сверкавшей драгоценными камнями; в правой руке она держала тонкий металлический посох, блестящий как полированная сталь. Но лицо!.. Оно-то и приводило меня в трепет. Это было лицо человека, но по типу не похожее ни на одно из существующих племен. По очертаниям и выражению оно ближе подходило к изваянному лицу сфинкса: та же строгая правильность и покой, та же таинственная красота. Цвет кожи более всего напоминал краснокожее племя, хотя колер был гораздо нежнее и красивее; под изогнутыми дугою бровями светились полные мысли большие черные глаза. Лицо было без бороды; но что-то необъяснимое в его исполненном покое выражении, в этих чудных по красоте очертаниях пробуждало такой же инстинкт близкой опасности, как появление тигра или змеи. Я чувствовал, что этот человекоподобный образ обладал силами, враждебными человеку.

Когда он приблизился ко мне, холодная дрожь пробежала по всему моему телу. Я упал на колени и закрыл лицо руками.

V

Я услышал звуки голоса, весьма мягкого и музыкального; и хотя слова были для меня совершенно непонятны, но страх мой прошел. Я открыл лицо и поднял глаза. Незнакомец (мне еще трудно было признать в нем человека) окинул меня взглядом, читавшим казалось в самом моем сердце. Потом он положил мне на голову свою левую руку и слегка прикоснулся своим посохом к моему плечу. Действие этого прикосновения было магическое. Чувства покоя, радости и доверия к стоявшему предо мною существу сменили мой первый ужас. Я поднялся и заговорил на моем языке. Он видимо слушал меня со вниманием, хотя с некоторым удивлением на лице; потом он покачал головою, как бы давая знать, что не понимает меня. Затем он взял меня за руку и, не говоря ни слова, повел к строению. Вход в него был открыт: дверей не существовало. Мы вошли в громадный зал, освещенный тем таинственным светом, как и вся окружающая местность, но разливавшим при этом самый тонкий аромат. Пол состоял из больших мозаичных плит, сделанных из драгоценных металлов, и был местами покрыт особыми плетеными коврами. Повсюду разносились тихие звуки музыки какого-то невидимого инструмента, составлявшей как бы одно целое с этим местом, подобно тому, как журчание ручья неразрывно связано с гористым пейзажем, или пение птиц – с тенистою рощею.

Фигура, в такой же одежде как мой путеводитель, но из более простого материала, стояла неподвижно у порога. Мой спутник дважды прикоснулся к ней своим посохом, и она стала быстро и неслышно двигаться, точно скользя по полу. Разглядев ее внимательнее, я убедился, что это не живое существо, а механический автомат. Через две минуты после того как последний исчез в полузавешенной занавесью двери на другом конце зала, в ней показалась фигура мальчика лет двенадцати, очень похожего на моего спутника: очевидно это были отец и сын. Увидев меня, ребенок испустил крик и поднял с угрожающим жестом бывший у него в руках посох, как и у его отца; но тотчас же опустил его по знаку последнего. Они обменялись несколькими словами, все время не спуская с меня глаз. Ребенок прикасался к моему платью и с видимым любопытством гладил меня по лицу, издавая при этом звук, похожий на наш смех, но гораздо мягче. В это время потолок залы в одном месте открылся, и через отверстие опустилась платформа, построенная по тому же принципу, как и наши элеваторы в гостиницах и складах, для подъема в разные этажи.

Незнакомец вместе с ребенком встал на платформу и знаком пригласил меня следовать за ним; мы быстро поднялись и остановились в середине коридора с дверями по обеим его сторонам.

Через одну из таких дверей меня ввели в комнату, убранную с восточною роскошью; стены ее были отделаны мозаикой из драгоценных металлов и камней; по стенам были расставлены мягкие диваны; отверстия в наружной стене, доходившие до полу, но без стекол, выходили на просторные балконы, откуда открывался вид на освещенный окрестный ландшафт. В клетках, привешенных к потолку, сидели птицы неизвестного мне вида, с ярко окрашенными перьями; при нашем входе послышался целый хор их песен, причем они пели в тон и с соблюдением известного ритма. Самый тонкий аромат распространялся в воздухе из золотых изящного рисунка курильниц. Несколько автоматов, подобных уже виденному мною, стояли неподвижно вдоль стен. Незнакомец посадил меня около себя на диване и опять заговорил со мной; я отвечал ему, но безуспешно: мы не понимали друг друга.

Только теперь я сильно почувствовал последствие удара, полученного при падении осколка камня. Меня охватила страшная слабость вместе с мучительною болью в голове и шее. Откинувшись на диван, я всеми силами старался подавить стон; при этом ребенок, до тех пор смотревший на меня с каким-то подозрением, опустил около меня на колени, чтобы поддержать; взяв мою руку между своими, он приблизил губами к моему лбу и слегка подул на него.

Страдания мои почти моментально прекратились; на меня стала находить какая-то сладкая успокаивающая дремота, и я крепко заснул.

Не знаю, сколько времени я находился в этом состоянии, но когда я проснулся, я чувствовал себя совершенно бодрым. Открыв глаза, я увидел целую группу молчаливых фигур, сидевших вокруг меня со спокойною и серьезною важностью жителей востока и походивших на моего первого незнакомца: те же сложенные на груди крылья, тот же покрой одежды и те же похожие на сфинкса лица, с черными глубокомысленными глазами и медно-красною кожею. Но все они, хотя того же близкого человеку типа, однако неизмеримо выше его по сложению и величию осанки, – возбуждали во мне такое же необъяснимое чувство ужаса, как и мой первый спутник. В лицах их было кроткое и спокойное выражение, и даже доброта. Отчего же мне казалось, что именно в этом выражении непоколебимого спокойствия и благосклонной доброты скрывалась тайна того ужаса, который внушали мне эти лица. В них отсутствовали те линии и тени, которые горе, страсти и печали кладут на лицах людей, и они скорее походили на изваяния богов и напоминали то выражение мира и покоя, которое христиане видят на челе своих умерших.

Кто-то положил мне руку на плечо; это был ребенок. В глазах его было выражение жалости и сострадания, напоминавшее то, с которым смотрят на раненую птичку или помятую бабочку. Я отпрянул от этого прикосновения и отвернулся от этого взгляда. У меня было неясное представление, что этот ребенок нисколько не задумался бы убить меня, подобно тому как человек убивает птицу или бабочку. Ребенок, видимо огорченный моим отвращением, оставил меня и отошел к одному из окон. Другие вполголоса продолжали свой разговор, и, судя по их взглядам, я догадывался, что разговор шел обо мне. Один из них с особенною настойчивостью что-то предлагал относительно меня моему первому путеводителю, и последний, судя по его жестам, уже готов был согласиться с ним, когда ребенок быстро отошел от окна и, став между мною и другими фигурами, как бы защищая меня, заговорил с особым жаром и возбуждением. Я инстинктивно догадался, что этот ребенок, возбуждавший ранее во мне такой ужас, явился теперь моим защитником. Он еще не кончил, когда в комнату вошел другой незнакомец. Он казался старше прочих, хотя еще не был преклонных лет; в лице его, более оживленном, чем у других, хотя отличавшемся такими же правильными чертами, мне казалось, я мог уловить нечто более близкое к человеку. Он спокойно выслушал сперва моего первого спутника, потом двух других и, наконец, ребенка; потом он обратился ко мне и старался передать мне свой вопрос знаками. Мне показалось, что я его понял, и я не ошибся в этом предположении. Он, как мне казалось, спрашивал: – каким образом я попал сюда.

Я протянул руку и указал по направлению дороги, которая вела от расщелины в скале; тут меня осенила, новая мысль. Я вынул из кармана свою записную книжку и набросал на одном из ее листков грубый рисунок уступа в скале, веревки и висящего на ней человека; потом скалистую пещеру с расщелиной, из которой высывалась голова чудовища, и, наконец, безжизненное тело моего друга. Я подал этот иероглифический ответ моему судье; он внимательно посмотрел на рисунок, потом передал его своему соседу, и так он обошел всю группу. После того мой первый спутник произнес несколько слов, и ребенок, который также приблизился и посмотрел на рисунок, кивнул головой, выражая тем, что понял его значение; затем он вернулся опять к окну, расправил привязанные крылья, взмахнул ими несколько раз и понесся в пространство. Я вскочил в изумлении и бросился к окну. Ребенок уже парил в воздухе, поддерживаемый своими крыльями; он не махал ими как птица, но они были распростерты над его головой и, по-видимому, несли его к цели без всяких усилий с его стороны. Полет его по быстроте равнялся орлиному, и я заметил, что он направился к той самой скале, где я спустился, и которая чернела своею массою в этой светящейся атмосфере.

Через несколько минут он вернулся, влетев через то же отверстие окна в комнату, и бросил на пол веревку с крюком, которую я оставил при спуске из расщелины. Присутствующие

обменялись несколькими словами; один из группы прикоснулся к автомату, который двинулся с места и исчез из комнаты; после того незнакомец, обращавшийся ко мне с вопросом, взял меня за руку и повел в коридор. Там уже ожидала нас платформа элеватора, и мы спустились на ней в прежний зал. Мой новый спутник, все еще не оставляя моей руки, вывел меня на улицу (если ее можно так назвать), которая тянулась на большое расстояние, с постройками по обеим сторонам, разделенными садами с ярко окрашенными деревьями и чудными цветами. Среди этих садов, отделенных друг от друга низкими стенами, а также по дороге, я видел множестводвигающихся живых существ; подобных тем, с которыми я только что встретился. Некоторые из прохожих, заметив меня, подходили к моему спутнику и видимо обращались к нему с вопросами обо мне.

Вскоре около нас собралась целая толпа, рассматривавшая меня с таким же интересом, как редкое, невиданное до того животное. Но даже при всем своем любопытстве они сохраняли свою сдержанную, серьезную манеру, и после нескольких слов, сказанных моим спутником, которому, видимо, не нравились такие остановки, они оставили нас с легким наклоном головы, и с невозмутимым спокойствием продолжали свой путь. Пройдя некоторое расстояние по улице, мы остановились у одного здания, отличавшегося от других, виденных на пути. Оно охватывало с трех сторон громадный двор, по углам которого стояли высокие пирамидальные башни; посреди двора был колоссальный круглый фонтан, выбрасывающий сверкающую искрами струю какой-то жидкости, которая показалась мне огнем. Мы вошли в здание через открытую дверь; она вела в громадную залу, где мы увидели группы детей, занятых работою, как на большом заводе. В углублении стены помещалась огромная машина в полном действии, с разными колесами и цилиндрами, и вообще напоминающая наши паровые двигатели, с тою разницею, что вся она была украшена драгоценными камнями и металлами, и от нее распространялся какой-то бледный, синеватый и колеблющийся свет. Многие из детей были заняты какою-то непонятною мне работою у разных машин, другие что-то делали за столами. Но спутник мой не дал мне времени ознакомиться с их занятиями. Не слышно было ни одного детского голоса, ни одно юное лицо не повернулось к нам. Все они работали в молчании и не обращали на нас никакого внимания.

По выходе из зала мой путеводитель провел меня через галерею, стены которой были расписаны картинами с примесью золота к краскам, что производило не особенно изящное впечатление и напоминало картины Луи Кранаха. Сюжеты картин, покрывавших стены галереи, должны были, как мне казалось, иллюстрировать историю того народа, среди которого я находился. Изображенные на них фигуры большею частью походили на виденные мною существа, хотя несколько отличались по одежде, и не у всех были крылья. Я видел также изображения совершенно неизвестных мне животных и птиц. Насколько позволяло судить мое ограниченное знакомство с искусством, все эти картины отличались правильностью рисунка и яркостью колорита, при хорошем понимании перспективы. Но в расположении деталей они далеко не соответствовали правилам композиции, усвоенным нашими художниками: в картинах не хватало центра, около которого группировались бы фигуры; так что получалось какое-то неясное, сбивчивое впечатление, точно отрывки из бреда художника.

Мы вошли теперь в средней величины комнату, где сидели за накрытым столом члены семейства моего путеводителя, как я узнал впоследствии. Это были его жена, дочь и два сына. Я тотчас же заметил разницу между двумя полами; хотя женщины были выше ростом и более крупного сложения, чем мужчины, и в их лицах, пожалуй, отличавшихся и более правильным очертанием, не хватало той мягкости и нежности выражения, которые составляют главную прелесть в лице нашей женщины на поверхности земли. Жена моего хозяина не носила крыльев; у дочери же они были длиннее, чем у мужчин.

Мой хозяин произнес несколько слов; после чего все поднялись со своих мест и с тою особою мягкостью в выражении и манере, которую я уже заметил ранее и которая составляет

отличительную черту этого внушительного по виду племени, по-своему приветствовали меня. Каждый из них прикоснулся правой рукой к моей голове и одновременно с этим издавал шипящий звук С-си, что соответствовало нашему «здравствуй».

Хозяйка дома посадила меня около себя и наложила на стоявшую передо мною золотую тарелку какого-то яства с одного из блюд.

Пока я ел (и хотя кушанья эти были совершенно чужды мне, я был поражен тонкостью их вкуса), хозяева мои тихо разговаривали между собою, и сколько я мог заметить, с необыкновенною деликатностью избегали всякого движения или жеста, по которому я мог бы догадаться, что говорилось обо мне. Между тем они в первый раз видели человека моей расы, и конечно я представлял для них крайне любопытное и ненормальное явление. Но грубость была совершенно неизвестна этому народу, и с малых лет они уже научались презирать всякое резкое выражение своих чувств. По окончании обеда, мой хозяин опять взял меня за руку и, возвратившись со мною в галереи, прикоснулся рукою к металлической доске, покрытой какими-то неизвестными знаками, и которая, я догадывался, по назначению своему соответствовала нашему телеграфу. Опять спустилась платформа элеватора; но этот раз мы поднялись на значительно большую высоту, чем в другом доме, и очутились в небольшой комнате, по обстановке своей отчасти напоминавшей то, к чему мы привыкли в надземном мире.

По стенам ее тянулись полки с книгами; но большая часть из них самого мелкого формата, как наши издания *duodecimo*. По виду они также походили на наши книги, но были переплетены в тонкие металлические дощечки. В комнате стояли также какие-то непонятные мне механизмы, по-видимому, модели, которые можно найти в кабинете ученого механика. Механические автоматы, которыми этот народ заменяет нашу прислугу, стояли неподвижно, как фантомы, в каждом углу. В особой нише в стене помещался низенький диван с подушками, служивший постелью. Окно с отдернутой занавесью из какой-то волокнистой ткани выходило на широкий балкон. Мой хозяин вышел туда, и я последовал за ним. Мы были в верхнем этаже одной из пирамидальных башен. Подо мною открылась картина, дикая, таинственная красота которой просто не поддается описанию: величественные массы скалистых гор, составлявшие ее фон, промежуточные долины, покрытые этою фантастическою растительностью самых разнообразных цветов, вода, сверкавшая местами как розоватое пламя, мягкий успокаивающий свет, который разливали повсюду мириады фонарей – все это вместе составляло одно целое, впечатление которого я не могу передать никакими словами. Но в этом чудном, неподражаемом ландшафте было в то же время что-то мрачное и наводившее ужас.

Но внимание мое было скоро отвлечено от этого подземного ландшафта. Снизу, вероятно с улицы, до меня понеслись звуки веселой музыки; вслед затем в пространстве поднялась крылатая фигура; как бы в погону за ней пронеслась другая; за ними непрерывною вереницею следовало множество новых фигур; и наконец я увидел целый сонм крылатых гениев, парящих в воздухе, чудные волнообразные движения которых невозможно было описать. Они, казалось, были заняты какой-то игрой; то разделялись на отдельные группы, то рассыпались в пространстве, то группа налетала на группу, подымаясь вместе и опускаясь, соединяясь в самых причудливых комбинациях и разлетаясь опять; все это происходило под звуки чудной музыки, доносившейся снизу, и напоминало фантастический танец сказочных пери.

Почти с ужасом я обратился к моему товарищу и невольно прикоснулся рукою к сложенным на его груди крыльям; при этом я почувствовал легкий удар, как бы от электрической машины, и в страхе отпрянул от него. Хозяин мой улыбнулся и, чтобы удовлетворить мое любопытство, медленно распустил свои крылья. Тут я заметил, что находившаяся под ними одежда надулась, как пузырь, наполненный воздухом; руки его при этом как бы проскальзывали в крылья. Через мгновение он уже поднялся в светящийся воздух и парил в вышине с распростертыми крыльями, подобно орлу, купающемуся в лучах солнца. Потом, с быстротою того же орла, он низринулся в одну из групп, пролетел через нее и опять поднялся в вышину. После того

три из крылатых фигур, в одной из которых я, казалось, узнал дочь моего хозяина, отделились от прочих и полетели за ним, подобно играющим между собою птицам. Ослепленный блеском лучезарного воздуха и ошеломленный видом летающих фигур, я уже не мог следить за их дальнейшими движениями; вскоре после того хозяин мой отделился от толпы других и приблизился ко мне.

Все виденное мною было до того невероятно, что мысли мои стали путаться. Хотя я не был склонен к суеверию и до сих пор не допускал возможности общения человека с демонами, но меня охватил тот ужас и волнение, которое вероятно испытывал средневековый пилигрим, уверивший себя, что он видел шабаш ведьм и злых духов. Мне смутно помнится, что с помощью бессвязных слов и жестов в форме заклинаний я пытался оттолкнуть от себя моего доброго и снисходительного хозяина; что он делал попытки успокоить меня; что, наконец догадавшись о причине моего страха, вызванного разницею в наружной форме между нами и особенно в способе движения посредством крыльев, он с кроткою улыбкою на лице старался успокоить меня и, сбросив свои крылья на пол, показывал, что это был лишь простой механизм. При этом ужас мой только увеличился: крайнее чувство страха доводит нас иногда до отчаянной храбрости, и я в полном самозабвении, как дикий зверь, бросился на него и хотел схватить его за горло. Но моментально, как бы пораженный электрическим ударом, я упал на землю, и в последней картине, которая пронеслась перед моим потухающим сознанием, я видел склонившимся около себя моего хозяина, с рукою, положенною мне на лоб, и чудное, спокойное лицо его дочери, устремившей на меня свои большие, глубокие, полные неведомой мысли глаза.

VI

В продолжение многих дней, даже недель, по нашему счету времени, как мне сообщили потом, я находился в бессознательном состоянии. Когда я пришел в себя, то увидел, что нахожусь в незнакомой мне комнате, окруженный семейством моего хозяина; но представьте мое удивление, когда его дочь обратилась ко мне со словами на моем собственном языке, в котором, впрочем, слышался слегка иностранный акцент.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Прошло несколько мгновений пока в моем крайнем изумлении, я мог выговорить несколько слов:

– Ты... знаешь мой язык? Как? Что вы такое?

Хозяин улыбнулся и подал знак одному из своих сыновей, взявшему со стола несколько металлических листков, на которых были изображены разные фигуры: домов, деревьев, зверей, человека и пр.

Я узнал свои собственные рисунки; под каждой фигурой было написано моей рукой и на моем языке ее название, а под ним другая рука написала какие-то неведомые мне слова.

– Так мы начали, – сказал хозяин, – и моя дочь Зи, которая принадлежит к коллегии ученых, была одновременно и твоею, и нашею учительницею.

Зи положила передо мной множество других металлических пластинок, на которых были написаны моей рукой, – сперва отдельные слова, а потом целые фразы. Под каждой была надпись на неизвестном мне языке. Собрав свои мысли, я понял, что таким способом был составлен грубый словарь наших языков. Неужто это было сделано, пока я находился в забытьи?

– Теперь довольно, – сказала Зи повелительным тоном, – отдохни и подкрепи себя пищею.

VII

Мне отвели особую комнату в громадном здании, с очень красивой, причудливой обстановкой, но без всяких украшений из золота или драгоценных камней, которые я видел в других публичных залах. Стены ее были покрыты разноцветными матами, сплетенными из стеблей и волокон растений; на полу были настланы ковры из того же материала.

Кровать была без занавесок, и ее железные ножки опирались на хрустальные шары; одеяло было из какой-то белой, тонкой ткани, похожей на бумагу. По стенам виднелось несколько полок с книгами; закрытая занавесью дверь сообщалась с громадной нишей, наполненной певчими птицами, из которых ни одна не походила на наших, кроме прелестного вида голубя, хотя и этот отличался от надземных большим хохлом из синих перьев. Все эти птицы были выучены петь множеству разных музыкальных пьес, в известных гармонических сочетаниях; так что, слушая их голоса, раздававшиеся из моего авиария, можно было представить себя в опере: оттуда слышались дуэты, трио, квартеты и целые гармонические хоры. Если я хотел быть в тишине, мне стоило только задернуть занавес, и, очутившись в темноте, птицы прекращали свое пение. Другое отверстие в стене, впрочем, без стекла, заменяло окно; но стоило только прикоснуться к пружине, как спускалась ширма из какого-то полупрозрачного вещества, через которое в смягченных тонах открывался вид окрестного пейзажа. Это окно выходило на большой балкон или, скорее, на целый висячий сад, где росло множество чудных растений с ярко окрашенными цветами. Отведенная мне комната со всею ее отчасти странною обстановкою все же несколько подходила к нашим понятиям о роскоши, и привела бы в восхищение английскую герцогиню или модного французского романиста. До моего появления в ней жила Зи, и она великодушно уступила ее мне.

Через несколько часов после моего пробуждения, описанного в последней главе, я лежал на своей кровати, стараясь собраться с мыслями и уяснить себе, какой породы и какого происхождения были те странные существа, в среде которых я так неожиданно очутился, когда в комнату вошел мой хозяин вместе со своею дочерью Зи. Продолжая выражаться на моем языке, первый с большою вежливостью спросил меня, – желаю ли я говорить с ним, или предпочту остаться один. Я отвечал, что почту за большое счастье поблагодарить его за тот радушный прием, который я встретил в этой незнакомой для меня стране, и что мне хотелось бы настолько познакомиться с их нравами и обычаями, чтобы не впасть через непонимание свое в ошибки, могущие оскорбить их.

Говоря это, я, разумеется, встал с кровати; но Зи, к моему большому смутению, потребовала, чтобы я лег опять; в кротком выражении ее глаз и мягком голосе было нечто, требовавшее беспрекословного повиновения. После этого она спокойно села у меня в ногах, а отец ее опустился на ближайшем диване.

– Но из какой же части света ты явился, – спросил мой хозяин, – если мы можем казаться такими странными существами друг другу? Я видел представителей почти всех племен, различающихся от нас, за исключением первобытных дикарей, которые живут в самых отдаленных и диких местах неводеланной природы, не знают другого света, кроме огня вулканов и довольствуются жалкой жизнью во мраке, подобно многим из пресмыкающимся и летающим животным. Конечно, ты не можешь быть членом этих варварских племен; но в то же время ты, по-видимому, не принадлежишь к цивилизованным народам.

Последнее замечание затронуло мое самолюбие, и я отвечал, что принадлежу к одной из самых цивилизованных наций на земле и что, хотя я плачу дань удивления тому искусству, с которым, не взирая да расходы, мой хозяин и его соотечественники умудрились осветить эти места, куда никогда не проникает луч солнца, но что в глазах человека, видевшего светила небесные, искусственный свет их никогда не выдержит сравнения с первыми.

Но ведь мой хозяин упомянул, что он видел представителей всех других рас, за исключением первобытных дикарей. Неужели же он никогда не был на поверхности земли, или слова его относились только к подземным жителям?

Он оставался некоторое время в молчании; на лице его выражалось сильное удивление, столь редкое между членами этой расы, даже при самых исключительных обстоятельствах. Но Зи была сообразительнее, и воскликнула:

– Вот видишь, отец – есть доля правды в старом предании: во всяком предании, вера в которое распространена между разными племенами, – всегда скрывается такая доля правды.

– Зи, возразил с кротостью ее отец, ты член коллегии ученых и должна быть умнее меня; но, как глава Свето-Хранительного Совета, я обязан не принимать ничего на веру, пока в этом не убеждены мои собственные чувства.

Потом, обратившись ко мне, он задал мне несколько вопросов о поверхности земли и светилах небесных, на которые я отвечал ему, как мне казалось, самым обстоятельным образом; но ответы мои, по-видимому, его не удовлетворили и не убедили. Он тихо покачал головой, и сразу переменив разговор, стал меня расспрашивать, каким образом я попал к ним из другого света, как он называл нашу землю. Я стал рассказывать ему о рудниках, находящихся под поверхностью земли, откуда мы добываем разные минералы и металлы, необходимые для наших потребностей и промышленности. Потом я вкратце объяснил ему, каким образом, исследуя один из таких рудников, мы с моим злосчастным приятелем случайно открыли существование этого нового мира, куда спустились вдвоем, и как этот спуск стоил ему жизни. В подтверждение правдивости моего рассказа я указывал на веревку с крюком, доставленные ребенком в тот дом, где меня в первый раз приняли.

После того мой хозяин спросил меня о нравах и обычаях племен, населяющих верхний слой земли; особенно же тех, которые считались между ними самыми цивилизованными. При этом он определил цивилизацию, как «искусство сделать доступным всему обществу то довольство и покой, которым пользуется добродетельный и благоустроенный семейный дом». Естественно, мне хотелось представить в самом розовом свете тот мир, в котором я родился, и потому я коснулся только слегка и в смягченном виде некоторых из отживающих учреждений Европы и распространился о настоящем величии и предстоящем первенстве Американской республики, которая должна покорить весь старый мир.¹ Чтобы дать представление об общественной жизни Америки, я остановился на самом передовом нашем городе и подробно описал нравы и обычаи Нью-Йорка. Заметив по выражению лиц моих слушателей, что мой рассказ не произвел ожидаемого впечатления, я стал распространяться о благах демократических учреждений Америки...

Выслушав мой рассказ, старик слегка покачал головой и сильно задумался, сделав перед этим знак рукой, чтобы мы с его дочерью не прерывали его размышлений. Через несколько времени он сказал искренним и торжественным тоном:

– Если ты действительно считаешь себя нам обязанным, как говоришь, за наш радушный прием, я заклинаю тебя ни говорить ни одного слова кому-либо из нашего народа без моего согласия о том мире, из которого ты пришел. Исполнишь ли ты мою просьбу?

– Конечно, я даю в том мое слово, – воскликнул я, несколько удивленный, и протянул мою руку.

Но, вместо того, чтобы пожать ее, он положил ее себе на голову, а свою правую руку приложил к моей груди.

Такова у этого народа обычная форма клятвы. Затем, обращаясь к своей дочери, он сказал:

---

¹ Следует помнить, что автор, иронизируя, говорит здесь от лица американца, не чуждого шовинизма, как многие из его соотечественников; хотя теперь подобное самохваление встречается значительно реже. (Прим. перев.).

– А ты, Зи, не должна повторять никому того, что слышала или услышишь от этого чужестранца о другом мире.

Зи приблизилась к отцу и, поцеловав его в виски, сказала:

– Хотя бы Гай² и были слабы на язык, но любовь может сковать его. Если тебя беспокоит, отец, что случайно произнесенное слово может грозить опасностью нашему народу, возбудив в нем желание познакомиться с неведомым для него миром, то разве хорошо направленная волна вриля не может бесследно смыть даже самых воспоминаний о том, что мы слышали от чужеземца?

– Что такое вриль? – спросил я.

Зи пустилась в объяснения, из которых я, однако, понял очень мало, потому что, сколько я знаю, ни в одном из известных языков не существует слова, равнозначного слову «вриль». Я назвал бы его электричеством, если бы выражение «вриль» не соединяло в себе понятия о разных других формах энергии, известных в науке под именами магнетизма, гальванизма и пр. Этот народ считает, что с открытием вриля он нашел тот общий источник энергии, соединяющий в себе все разнообразные проявления сил природы, которого, как известно, уже давно доискиваются наши ученые и которого, со свойственной ему осторожностью, касается и Фарадэ, употребляя при этом термин «соотношение»^{3,4}.

«Вместе со многими друзьями естествознания я долго держался мнения, – говорит этот знаменитый исследователь, – почти переходящего в убеждение, что все различные формы, в которых проявляются силы природы, имеют один общий источник; или, другими словами, имеют такое прямое соотношение между собою и находятся в такой взаимной зависимости, что могут превращаться одна в другую и сила их действия может быть выражена одним общим эквивалентом».

Эти подземные ученые утверждают, что действием вриля, в одном случае (и Фарадэ назвал бы это атмосферным магнетизмом), они могут влиять на изменения температуры, или, просто говоря, на перемену погоды; что в других его применениях, посредством научно построенных проводников, они могут оказывать такие влияния на ум человека, на всякое проявление животной и растительной жизни, которые по результатам не уступят самым причудливым фантазиям вымысла. Все эти разнообразные проявления физической энергии известны у них под именем вриля. Зи спросила меня, известно ли в нашем мире, что все способности ума могут быть возбуждены до высшей степени посредством транса или магнетического сна, во время которого идеи одного мозга могут сделаться достоянием другого, причем происходит быстрый обмен знаний. Я отвечал, что у нас ходит много рассказов о таких видениях, и что я сам не один раз был свидетелем разных опытов магнетизма, ясновидения и проч.; но что за последнее время все подобные упражнения стали выходить из употребления и были в пренебрежении; частью потому, что они сделались предметом самого грубого обмана, а также и по той причине, что хотя в некоторых случаях, при воздействии на известных ненормальных субъектов и получались действительные результаты, но, по ближайшем исследовании, они не могли быть приняты за основания для каких либо систематических выводов; не говоря уже о том вреде, который они приносили, распространяя разные суеверия между доверчивыми людьми.

Зи слушала меня с самым благосклонным вниманием, и заметила, что подобные же примеры обмана и злоупотреблений легковерием знакомы и им, когда наука находилась у них еще в периоде детства, и не были точно исследованы все разнообразные свойства вриля; но что, по ее мнению, лучше оставить дальнейшие рассуждения по этому предмету, пока я не буду

---

² На языке подземных жителей слово Гай обозначало женщину. (Прим. перев.).

³ correlation

⁴ Фарадэ и его открытия. (Воспоминания Джона Тиндала). (Прим. перев.)

лучше подготовлен для них. Она добавила в заключение, что именно благодаря действию вриля; во время моего продолжительного сна, я познакомился с началами их языка; но что она с отцом своим, близко следившим за этим опытом, за то же время приобрела еще большие познания в моем языке; отчасти потому, что последний был гораздо проще, не будучи приспособлен для выражения сложных идей; а также и вследствие превосходства их организации, более моей подготовленной, путем наследственной культуры, к усвоению знания. В глубине души я далеко не соглашался с этим последним мнением; я ни как не мог допустить, чтобы организация моего мозга, всячески изошренного в практической жизни дома и во время моих путешествий, сколько-нибудь уступала мозгу этих людей, которые проводили всю свою жизнь в потемках, освещаемых фонарями. Но пока я раздумывал об этом, Зи коснулась своим указательным пальцем моего лба и опять усыпила меня.

VIII

Когда я вторично проснулся, у постели моей стоял тот самый ребенок, который принес веревку с крючком в дом, где меня приняли в первый раз и который, как я узнал впоследствии, принадлежал главе этого племени. Ребенок этот, по имени Таэ, был его старшим сыном. После пробуждения мне показалось, что мое знание их языка увеличилось настолько, что я уже мог разговаривать на нем со сравнительною легкостью.

Ребенок был замечательно красив, даже для этого отличавшегося своею красотою племени; лицо его казалось мужественным для его лет, и в его выражении было более живости и энергии, чем я мог уловить в спокойных, бесстрастных лицах мужчин этой расы. Он принес мне тот самый лист бумаги, на котором я представил способ моего спуска, а также набросал страшную голову зверя, прогнавшего меня от трупа моего приятеля. Указывая на последнюю часть рисунка, он задал мне несколько вопросов о размерах и форме чудовища и пещере, в которой оно скрывалось. Он так заинтересовался моими ответами, что они на время отвлекли его от прямых вопросов обо мне. Но, наконец, к моему большому затруднению (я помнил торжественное обещание, данное мною моему хозяину), он обратился ко мне с вопросом, – откуда я, когда на мое счастье в комнату вошла Зи и, услышав его слова, сказала:

– Таэ, ты можешь отвечать на все вопросы нашего гостя; но сам никогда не должен спрашивать его. Отвечать на вопросы, откуда он родом и зачем он здесь, было бы нарушением того правила, которое мой отец положил для всего нашего дома.

– Да будет так, сказал Таэ; и с тех пор, до последней нашей встречи, этот ребенок, которого я очень полюбил, никогда не касался запрещенного предмета.

IX

Только по прошествии некоторого времени, когда, путем периодически повторяемых трансов, если их можно так назвать, ум мой сделался, наконец, более способным к обмену идей с моими хозяевами и к пониманию их нравов и обычаев, я мог, наконец, собрать следующие подробности о происхождении и истории этого подземного народа, составлявшего одну из отраслей великой расы, носившей название Ана.

На основании древнейших преданий, отдаленные предки расы жили когда-то на поверхности земли. Мифические легенды этого периода еще сохранялись в их архивах, и в этих легендах говорилось о верхнем своде над землею, в котором сияли светила, зажженные нечеловеческою рукою. Но такие легенды признавались большей частью ученых комментаторов за аллегорические басни. По этим преданиям, сама земля в те отдаленные времена, хотя и не была в периоде своего первого образования, но находилась в переходной стадии прогресса от одной формы развития к другой, и подвергалась многим сильным переворотам. В один из таких переворотов часть поверхности земной, населенной предками этой расы, была постепенно затоплена водой, и все они погибли, за исключением небольшой кучки. Данные, приводимые их писателями, расходятся с общепринятыми мнениями наших геологов; так как они устанавливают время появления человека на земле задолго до образования новейших формаций, приспособленных к существованию млекопитающих. Небольшая уцелевшая кучка людей, спасаясь от вторжения воды, нашла себе убежище в пещерах высоких гор, и, блуждая по разным расщелинам и горным выемкам, постепенно углубилась в недра земли и на веки потеряла из виду мир освещенный солнцем. Великий переворот совершенно изменил прежний характер земной поверхности: где была вода – сделалась суша и обратно. Во внутренности земли, как меня уверяли, можно было находить остатки человеческих жилищ – не хижины и пещеры, а громадные города, развалины которых свидетельствуют о цивилизации народов, живших задолго до того, и которых не следует смешивать с дикими племенами, знакомыми только с употреблением кремня.

Беглецы унесли с собою в недра земли и всю существовавшую тогда между людьми культуру и цивилизацию. Их первую потребностью под землею, конечно, был утраченный ими свет; и не было такого периода (даже легендарного) в истории этого подземного народа, когда бы они ни были знакомы с искусством добывания света из разных газов, соединений марганца, или из петролее. Уже в своей прежней жизни на поверхности земли они привыкли к борьбе с природою; во время их последней долгой борьбы с победоносным океаном, продолжавшейся целые столетия, они изощрились в искусстве сдерживать воду, посредством плотин и каналов. Этому искусству они были обязаны и своим спасением в их новой жизненной среде.

– В продолжение многих поколений, – сказал мой хозяин тоном некоторого отвращения и даже ужаса, – эти первобытные прародители, как говорит предание, унижали свое человеческое достоинство и сокращали свою жизнь употреблением в пищу мяса животных, многие из видов которых, подобно им самим, нашли себе спасение от потопа в недрах земли; другие виды животных, неизвестные на поверхности, как полагают, уже ранее существовали под землею.

Когда в жизни этого народа наступил так называемый исторический период, племена Ана уже жили в правильно сложившихся гражданских обществах и достигли той степени цивилизации, какой обладают самые передовые нации из живущих теперь на поверхности земли. Им была известна большая часть наших механических изобретений, включая применение пара и газа. Все эти общества были в страшной вражде между собою. Народ Ана (к одному из племен которого принадлежали мои друзья) теперь смотрел на это как на одно из грубых, темных явлений того времени, когда политическая наука была еще в своем детстве. Это был век

зависти и вражды, жестоких страстей, постоянных общественных переворотов, борьбы между разными сословиями, кровавых войн между государствами.

Этот период общественного развития, продолжавшийся, однако, в течение многих веков, постепенно пришел к концу, по крайней мере, в среде более одаренных и развитых наций, благодаря постепенному открытию чудодейственных свойств, скрытых в этой все проникающей жидкости, которую они называли врилем.

По объяснениям Зи, которая в качестве одного из светил коллегии ученых была ближе знакома с предметом, чем другие члены ее семейства, урегулированное действие этой жидкости является одним из самых могучих агентов, подчиняющих своему влиянию все виды материи, как одушевленной, так и неодушевленной. Она убивает подобно удару молнии и в то же время, примененная иным способом, возбуждает жизнь, исцеляет и сохраняет, и на ее чудотворном действии основаны все их методы лечения, сводящиеся к простому восстановлению равновесия в силах больного, причем исцеление уже достигается самою природою. Помощью этого могучего агента они пробивают самые твердые горные породы, открывая новые культурные долины в этой подземной пустыне. Она же является для них источником света, более постоянного, приятного для глаза и здорового, чем добывавшийся ранее из разных воспламеняющихся материалов.

Но наиболее замечательные результаты, оказавшие влияние на самое социальное устройство, получились при открытии той истребляющей силы, которая скрывалась во вриле. По мере того как становилась известной эта истребляющая сила и они научились ею пользоваться, война между племенами, открывшими свойства вриля, стала невозможной и прекратилась сама собою; потому что при этом искусство истребления было доведено до такого совершенства, что численность, дисциплина и военные знания враждующих армий уже не имели никакого значения. Все разрушающий огонь, скрытый в пустоте палочки, направляемой рукою ребенка, мог уничтожить сильнейшую крепость или уложить целую армию. Два враждебных войска, одинаково знакомых с употреблением этой страшной силы, могли только взаимно истребить друг друга. Таким образом, прошел век войны, а вместе с этим произошли громадные перемены и в общественном строе страны...

Таким образом, раса людей, открывшая употребление вриля с течением времени мирно распалась на множество небольших отдельных обществ. Численность того племени, среди которого я находился, ограничивалась 12000 семейств. Каждое племя занимало определенного размера территорию, достаточную для его потребностей, и через известные промежутки избыток населения отправлялся в поиски новых земель и, поселившись там, основывал новые общественные группы. Таких добровольных переселенцев, преимущественно из молодежи, всегда было достаточно, и никакого понудительного выбора эмигрантов при этом не требовалось.

Эти отдельные, маленькие по размеру, территории, населения и государства все были членами одной громадной семьи. Население их говорило одним языком, хотя слегка отличавшимся в диалекте; они постоянно вступали в браки между собою; держались тех же законов и обычаев, и общее им всем знакомство с употреблением вриля составляло такую неразрывную связь между ними, что слово А-вриль было синонимом цивилизации, а Вриль-я, обозначавшее «цивилизованные нации», было общим названием всех отдельных племен, знакомых с употреблением этой удивительной жидкости; в чем и состояло их главное различие от других отраслей народа Ана пребывавших еще в состоянии сравнительного варварства.

Система правления племени Вриль-я, среди которого я находился, хотя, по-видимому, и сложная, в сущности, была очень проста. Она была основана на принципе, давно уже признанном теориею, хотя пока остающемся почти без применения в практике у нас на поверхности земли. А именно: – что общая задача почти всех систем философской мысли состоит в достижении единства или в постепенном переходе через все многосложные, промежуточные лабиринты к простоте одной первой причины или начала. Это оригинальное общество выби-

рало из своей среды одного верховного правителя, носившего название Тур. За отсутствием войны не существовало армий. То, что мы называем преступлением, было совершенно, неизвестно во Врилье; не существовало также и судов. Если в редких случаях возбуждались какие-нибудь споры, то их разрешали третейские судьи, выбранные каждою из споривших сторон, или последние в таком случае обращались в коллегия ученых, которую мы опишем далее. Адвокатов по профессии также не было; да и самые законы представляли, как бы дружеские соглашения, потому что как же можно было привести в исполнение постановление суда против какого-нибудь нарушителя закона, когда одним мановением своего жезла заряженного врилем, он мог уничтожить всех своих судей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.